

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Ширяев Алексей Юрьевич

Кандидат юридических наук,
старший помощник прокурора г. Кушвы Свердловской области (Кушва),
e-mail: alexej.schiryaeff2013@yandex.ru

Опираясь на принцип первичности в сфере познания реальности различия и различения перед единством и соответствием, выработанный современной аналитической феноменологией (В. И. Молчанов), автор формулирует исходные положения, намечающие границы и грани, в которых должна быть раскрыта структура уголовно-правового вменения. Понятие субъективного вменения в традиционном понимании с опорой проблематики на субъект-объектную дихотомию подвергается критическому переосмыслению и развивается в многоступенчатую систему юридического вменения, основным принципом которого является возможность верификации (верифицируемость) каждого инкриминируемого элемента преступления в пределах конкретной ступени вменения.

Для подтверждения необходимости развития существующих подходов к проблеме вменения в практическом аспекте анализируются примеры судебной практики. Ошибочная квалификация неосторожного причинения смерти как убийства приотягчающих обстоятельствах, по мнению автора, выступает судебной ошибкой, запрограммированной традиционной парадигмой вменения. Такая ошибка обусловлена существенными трудностями верификации умысла при оперировании абстрактным законодательным определением объективной стороны состава преступления. Последнее должно быть ограничено от своей укореняющей онтологической основы – умышленного деяния, которое, даже рассматриваемое чисто объективно, не равно неосторожному деянию в объективном смысле. Автор выявляет различия между объективно данными умышленным и неосторожным деяниями и констатирует, что различия эти существуют независимо от субъективной стороны составов этих преступлений.

Возможность верификации умысла и необходимость оценки объективной упречности как объективного коррелята субъективной стороны тесно взаимосвязаны, взаимно обуславливают друг друга. Это в свою очередь требует первоначального выделения уголовно-релевантного факта в качестве исходно нейтрального предмета юридического анализа и оценки.

Ключевые слова: вменение, оценка объективной упречности, деяние, умысел, вина

PHENOMENOLOGY OF IMPUTATION IN CRIMINAL JURISPRUDENCE

Shiryaev Alexey

Office of Public Prosecutor of Kushva (Kushva),
e-mail: alexej.schiryaeff2013@yandex.ru

Basing on the principle of primacy in cognition of reality of difference and differing, developed by modern analytical phenomenology (V. I. Molchanov), the author sets forth some initial statements identifying the outlines and borders, in which the criminal law imputation structure must be revealed. The conception of subjective imputation in its traditional form is reconsidered through the subject-objective dichotomy and converted into the several-phase system of juridical imputation, whose primary principle is the possibility to verify each attributing element of crime within the concrete phase of imputation.

To reveal the necessity of improving the existing approaches to imputation problem, the author analyzes several examples from judicial practice. In author's opinion, wrong characterization of a death through negligence as an aggravated homicide is the judicial error, which is programmed by traditional paradigm of imputation. Such error is determined by essential difficulties in verifying intent while using the abstract legislative definition of an objective side of crimes. The latter must be separated from its ontological ground – an intentional act, which is, even objectively considered, not equal to a negligence act in its objective sense. The author reveals the differences between the intentional act and negligence act and says that these differences don't depend on the subjective side of both crimes.

The possibility to verify intent and the necessity to assess objective blameworthiness as an objective correlation of the subjective side are narrowly connected and determined by each other. Therefore, it requires the primal highlighting of criminal relevant fact as an initial neutral object of legal analysis and assessment.

Key words: imputation, assessment of objective blameworthiness, acting, intention, guilt

В отечественной уголовно-правовой науке исследуется понятие субъективного вменения, предполагающее недопустимость объективного вменения¹, при этом существование последнего в правоприменительной практике считается фактом². Лишь немногие авторы отмечают сложный характер такого правового феномена, как вменение, и указывают на неоднозначные взаимосвязи его субъективных и объективных компонентов³. Мы считаем, что простого дихотомического субъект-объектного деления для полной характеристики уголовно-правового феномена вменения и разрешения всех вопросов, возникающих в связи с данной проблематикой, недостаточно. Например, неясно, какой аспект обозначенной проблемы имеется в виду в судебной практике, когда говорится о необоснованном вменении квалифицирующего признака «с применением предмета, используемого в качестве оружия» при разбое⁴. Для исследования структуры вменения мы воспользуемся методом феноменологического анализа, который применительно к уголовному праву охарактеризовали ранее как метод «юридической деконструкции»⁵, проистекающий из первичной познаваемо-

¹ Лунеев В. В. Субъективное вменение. М., 2000.

² Язовских Ю. А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 6.

³ Векленко С. В. Виновное вменение в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003. С. 8.

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 13 апреля 2016 г. Дело № 22-2954/2016 // Архив Свердловского областного суда, 2016 г. Приговор суда первой инстанции был изменен. К. обвинялся по ч. 2 ст. 162 УК РФ в том, что совершил разбой с применением предмета, используемого в качестве оружия, по предварительному сговору. К. угрожал ножом кассиру банка, в то время как его соучастник Б. похитил денежные средства. Действия К. были описаны как «демонстративно угрожал потерпевшей». Суд апелляционной инстанции применил формулировку п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», предусматривающую, что если лицо лишь демонстрировало оружие, не намереваясь использовать этот предмет для причинения телесных повреждений, то квалифицирующий признак «с применением предмета, используемого в качестве оружия» отсутствует. Пример показывает, что объективные признаки состава не даются с полной очевидностью самим фактом внешнего поведения, но определяются путем оценки степени объективной упречности действий, выражаемой в терминах нормативных предписаний, т. е. вменяются независимо от умысла.

⁵ Термин «деконструкция» взят нами не из трудов французского философа Ж. Деррида, а сформулирован, будучи основанным на принципах феноменологического познания, как противовес принципа «юридической конструкции», распространенного в частном праве. Подробнее см.: Ширяев А. Ю. Вменение и факт в доктрине и практике применения уголовного закона // Рос. право: образование, практика, наука. 2016. № 6. С. 50.

сти различий и различия перед определением системных единств и соответствий, выражающих содержание исследуемых понятий.

Попытаемся сформулировать основные положения, которые с наибольшей очевидностью характеризовали бы ту ситуацию, которая имеет место в каждом случае вменения деятелю в вину преступления. Эти положения станут для нас своего рода «*Apriori distinctionis*»¹, т. е. условиями отчетливого и беспредпосылочного познания феномена вменения и анализа всякого деяния, вовлекаемого в сферу уголовно-правовых оценок.

Всякий юридический признак преступления (в том числе объективный) устанавливается как относимый к конкретной фактической данности, существующей в качестве исходной внеправовой (доправовой) реальности. До этого вывода никакой юридический признак не может считаться установленным, а содеянное полагается нейтральным в правовом отношении.

Всякое нарушение такой правовой нейтральности есть вменение.

Акт вменения может быть истинным, а может быть ошибочным. Быть истинным или ошибочным – это логическое свойство суждения. Вменение представляет собой акт суждения, приписывающий конкретной внеправовой реальности нормативные признаки как принадлежащие самой этой реальности свойства (акт предикации).

Законодательное определение преступления и его юридических признаков (как в Особенной, так и в Общей части Уголовного кодекса) является не исходной реальностью, а суждением законодателя в виде набора критериев оценки, осуществление которого в ходе вменения опосредуется сферой логико-языковых феноменов. При оценке каждого уголовно-релевантного факта необходимо не допускать смешения онтологически различных слоев. Первый слой, подлежащий выделению в ходе уголовно-правовой интерпретации деяния, должен подлежать юридически нейтральному описанию.

Перечисленные положения послужат основанием для новой постановки проблемы юридического вменения, которую мы формулируем как проблему соотношения подлежащих вменению и исходно реальных компонентов преступления и определения оснований взаимосвязи подлежащих вменению субъективных и объективных компонентов. Вменение, как мы попытаемся показать, – это гораздо более сложный феномен, чтобы все вопросы данной проблематики разрешались посредством сформулированного законодателем в ч. 2 ст. 5 УК РФ положения, запрещающего объективное вменение, приравненное к невиновному причинению вреда.

Вменение мы рассматриваем как совокупность суждений, приписывающих реальным компонентам поведения соответствие предусмотренным в законе нормативным критериям, влияющее на определение правового статуса деятеля. На такое

¹ *Apriori distinctionis* (лат.) – первичные различия, способ описания первичного опыта. Термин взят нами из аналитической феноменологии В. И. Молчанова (*Молчанов В. И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания // Исследования по феноменологии сознания. М., 2007. С. 243*). «Термины „первичный“, „изначальный“, „лежащий в основе“ в отношении к опыту понимаются достаточно традиционно – как „то, без чего невозможно“, как то, что всегда темпорально и логически предшествует всем другим видам опыта как *Apriori*. Нетрадиционным здесь является то, что *Apriori* понимается как первичный опыт различий как *Apriori distinctionis*» (Там же).

Методологическим основанием нам также служит вытекающее из феноменологического принципа различия положение о суждении как конституирующем пространство понимания акте и предметном корреляте суждения – положении дел (В. И. Молчанов часто использует словосочетание «обстоятельство дел»). Подробнее см.: *Молчанов В. И. Феномен пространства и происхождение времени. М., 2015. С. 188–189, 233, 268*).

понимание вменения указывает сам смысл слова «вменять», которое означает в одном аспекте «считать», «признавать чем-либо», «расценивать каким-либо образом»¹, в другом – «ставить на счет», «засчитывать», «зачислять»².

Первый шаг в определении феномена вменения – выделение фазы установления объективных признаков состава преступления на основе реального деяния. Мы называем эту фазу первой и самостоятельной ступенью вменения, чтобы подчеркнуть недопустимость равенства между описанием действия в качестве нейтрального факта и уголовно противоправным деянием хотя бы в объективном смысле. Факт реального деяния не есть объективная сторона преступления.

Когда на основе факта волевого действия, описанного по возможности как юридически нейтральный элемент, установлены признаки объективной стороны состава преступления, тогда и только тогда возникает возможность перейти к стадии субъективного вменения. Способом удостоверения правильности субъективного вменения является феномен соответствия между предметным содержанием субъективной стороны состава преступления и объективными признаками состава³. Речь идет о строгом соответствии между различными элементами состава преступления, в чем и заключается верифицирующая функция феномена соответствия. Предмет вменяемых в вину психологических особенностей деяния должен соответствовать своему объективному корреляту.

Рассмотрим пример. Действия виновной переквалифицированы с пп. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ, поскольку она не предвидела возможности причинения смерти потерпевшей в результате своих действий⁴. По приговору суда И. была признана виновной в неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей и убийстве своей шестимесячной дочери, заведомо для виновной находящейся в беспомощном состоянии, совершенном с особой жестокостью, и осуждена по пп. «в», «д», ч. 2 ст. 105 и ст. 156 УК РФ. Судебная коллегия Верховного Суда РФ изменила приговор, мотивировав решение следующим. Суд первой инстанции пришел к выводу, что вследствие неисполнения и ненадлежащего исполнения И. родительских обязанностей у ее дочери возникли инфекционные заболевания верхних дыхательных путей и кожных покровов, развитие выраженной гипотрофии. Смерть шестимесячной потерпевшей наступила в результате тяжелого инфекционного поражения кожных покровов, последующего развития общего инфекционного заболевания – сепсиса с явлениями септического шока и полиорганной недостаточности и выраженной гипотрофии.

¹ Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. М., 2005. Т. 2. С. 635.

² Подразумевается именно личный счет конкретного лица (*Гаева Е. В.* Гости из прошлого. Словарь русских слов: в 3 т. М., 2016. Т. 2. С. 253).

³ Феномен соответствия известен как отечественной, так и, в частности, англосаксонской уголовно-правовой науке. В. Н. Кудрявцев рассматривает феномен соответствия в разделе, посвященном субъективной стороне преступления (*Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 2004. С. 148). Британский криминалист Jonathan Herring также исследует «принцип соответствия» – «the correspondence principle» – в разделе о субъективном элементе (the mental element) (*Herring J.* Criminal law. 6th ed. L., 2009. P. 74–75). В то же время, например, американский правовед Дж. Самаха выделяет «принцип совпадения» (principle of concurrence) в качестве самостоятельного принципа, отдельного от преступного действия (principle of actus reus) и виновности (principle of mens rea) (*Samaha J.* Criminal law. 8th ed. Belmont, 2005. P. 104–105).

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 сентября 2009 г. № 5-009-18 // Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2009 г. СПС «КонсультантПлюс».

Суд первой инстанции, квалифицируя действия И. по пп. «в», «д», ч. 2 ст. 105 УК РФ, указал в приговоре, что виновная осознавала общественную опасность своего бездействия, предвидела возможность наступления смерти ее малолетней дочери, не желала, но относилась безразлично к наступлению этих последствий. Однако из показаний осужденной следует, что она лечила дочь самостоятельно, давала парацетамол, ставила детские свечи «эффералган», думала, что режутся зубы, дочь не ела, срыгивала пищу, похудела, она смазывала потерпевшую зеленкой, поила соком, умысла на лишение дочери жизни не имела. При таких обстоятельствах Судебная коллегия пришла к выводу, что осужденная не предвидела возможности причинения смерти потерпевшей в результате своих действий, но по обстоятельствам дела должна была и могла предвидеть это.

В чем причина того, что разрыв между квалифицированным убийством и неосторожным причинением смерти, казалось бы очевидный для обыденной правовой интуиции, оказался неуловим логическими методами традиционной квалификации? Дело в том, что оказание неквалифицированной медицинской помощи (если эти действия не преднамеренная инсценировка) не может быть истолковано как убийство даже в чисто объективном смысле, потому что само деяние в виде лечения, независимо от того, на что надеется лечащий, конституируется направленностью на такой исход, при котором потерпевший останется жив. Эти особенности не определены УК РФ в объективных признаках деяний в ст. 105 и 109. В обоих случаях законодатель ограничивается одинаковым описанием объективной стороны составов как «причинение смерти». Однако если устанавливается умысел на убийство, то предварительно должен быть обоснованно инкриминирован объективный коррелят этого умысла, который превосходит уровень общественной опасности неосторожного деяния (объективно не равен неосторожному деянию как иному способу причинения смерти). Это обоснование представляет собой оценку объективной упречности и служит условием верификации субъективной стороны состава по принципу соответствия. Строго говоря, эта операция есть первая ступень вменения вины, так как она нарушает нейтральность исходного факта, реализует переход от нейтрально описанного факта к упречной правовой оценке согласно критериям законодательных определений, являет собой то, в отношении чего вообще может быть установлен умысел.

Из этого следует, что феномен соответствия как принцип проверки (верификации) субъективного вменения не работает с абстрактными юридическими дефинициями признаков состава преступления, а требует обращения к характеристикам укореняющей юридические признаки онтологической основы (деянию). Умыслу на убийство соответствует объективная сторона убийства, но установить и проверить это соответствие можно только на основе выделения исходно умышленного и исходно неосторожного типов деяния (типов причинения), на почве которых устанавливается и предварительно вменяется объективная сторона убийства либо неосторожного причинения смерти. Феномен соответствия действует как верифицирующий принцип только с опорой на онтологический элемент, укореняющий отвлеченные законодательные конструкции.

Рассмотрим проблематику субъективного вменения, связанную с логико-языковым характером процесса вменения. Если мы назвали предметный аспект субъективной стороны «умыслом», то тем самым задним числом уже ввели в ход рассу-

дения негативные этико-правовые коннотации. Термин «умысел» никогда не используется в психологии. В психологии для характеристики ситуаций осознанного поведения человека применяется слово «намерение», которое имеет нейтральный в отношении морали и права смысл. Намерение может быть как «дурным», так и «добрым», но умысел «добрым» быть не может в силу своих семантических характеристик. Например, в современной немецкой уголовной юриспруденции в качестве терминов, обозначающих «умысел», используются «Absicht» (преднамеренность) и «Vorsatz» (намерение, умысел). Эти термины общеупотребительны и в праве, и в психологии и имеют нейтральное в отношении этико-правовой оценки значение¹. Намерение, соотнесенное с правовым масштабом оценки состава деяния, называется «Tatbestandsvorsatz»². Русский термин «умысел» близок классическому «dolus»³ (умысел) или даже «dolus malus» (злой умысел). Термин «dolus» в силу языковых традиций также содержит негативные морально-правовые коннотации, соответствуя в немецком праве термину «Tatbestandsvorsatz», т. е. семантически несет груз негативной оценки психологического намерения (Vorsatz)⁴.

Таким образом, оценка психологической стороны преступного деяния должна слагаться из анализа различных не смешиваемых друг с другом компонентов: предметных психических процессов и вывода о наличии умысла либо неосторожности как юридических понятий. Смещение этих явлений лишает правовую оценку качества проверяемости.

Если, например, фактическая сторона деяния, связанного с обманом и риском неисполнения обязательств, обнаруживает признаки, предусмотренные ст. 159, 165 УК РФ, но представляет собой по существу лишь гражданско-правовой деликт, то существует риск, что объективные признаки состава преступления правоприменитель констатирует самим фактом наличия гражданско-правовых договорных отношений. Неверифицируемый в такой ситуации вывод о наличии умысла будет сделан исходя из преднамеренности («умышленного» характера) поведения, в любом случае направленного на получение материальной выгоды. Факт личной ответственности руководителя предприятия за все юридически значимые действия станет фатальным моментом для создания «порочного круга» непроверяемых презумпций.

Примером может послужить дело в отношении председателя ТСЖ Б., который обвинялся по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ в причинении имущественного ущерба собственнику в особо крупном размере путем злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения. Обвиняемый на протяжении нескольких лет перечислял денежные средства за поставляемые для населения ресурсоснабжающей организацией тепловые ресурсы, но перечисления производил не в полном объеме. Взаимоотноше-

¹ Немецко-русский словарь по психологии. М., 2004. С. 11, 331.

² Roxin C. Strafrecht. Allgemeiner teil. Band I. 4. Aufl. München, 2006. S. 483, 502. «Tatbestandsvorsatz» означает намерение на осуществление «законного состава деяния».

³ Собственно латинское слово «dolus» первоначально означало «обман» в смысле неправомерной хитрости или мошенничества, а затем стало обозначать «злонамеренность» или «умысел» вообще (Скорина Л. П., Чуракова Л. П. Латинский язык для юристов / под ред. С. В. Семчинского. Минск, 1999. С. 317).

⁴ Например, при необходимой обороне обороняющийся действует с намерением причинить смерть нападающему. Назвав данное психологическое отношение «умыслом», мы приписываем деятелю вину в преступлении, хотя еще не проверили обстоятельства, исключающие виновность, а отказывая в признании «умысла», мы теряем почву факта (неверно описываем факт), поскольку психологическое положение дел именно таково, что убийство совершено намеренно. Мы словно не имеем средств описать психологическое отношение нейтрально, так, как оно имело место в действительности. Один из выходов из этой ситуации – не отождествлять умысел и вину, а устанавливать их отдельно.

ния между виновным и потерпевшим не выходили за рамки гражданско-правовых договорных отношений и документально-претензионного порядка урегулирования разногласий¹. По версии защиты, Б. не имел умысла на причинение имущественного ущерба. Но утверждение об отсутствии умысла (отвергнутое судом в приговоре) в данном случае совершенно не верифицируемо, поскольку понятие умысла имеет слишком широкое содержание: и осознание фактического характера действий, и осознание общественной опасности. Идея субъективного вменения в традиционном виде в таких ситуациях не работает. Если не проверена и не обоснована объективная упречность содеянного, то нет возможности проверить наличие вины. Имеется риск, что правоприменитель в данной ситуации признает виной юридически нейтральное намерение обвиняемого в отношении его действий, исходя из логики классической доктрины «намерение = умысел = форма вины».

Проверки и обоснования здесь требует в первую очередь вопрос о том, совершил ли обвиняемый действия, которые в объективном выражении составляют содержание уголовно наказуемого правонарушения и выходят за рамки гражданско-правового деликта. Только положительный ответ на этот вопрос был бы законной предпосылкой для применения презумпции о действительно умышленном совершении инкриминируемого преступления.

В связи с изложенными соображениями общий вывод должен быть таков. Уголовно-правовая оценка объективных обстоятельств деяния предполагает, что предметом ее является исходный нейтральный факт, она требует обоснования такого характера и степени общественной опасности, которые объективно соответствуют именно уголовному правонарушению. Оценка внешних признаков деяния является необходимой предпосылкой вменения субъективных признаков состава, условием ее верифицируемости. Таким образом, уголовно-правовая оценка на стадии установления объективной стороны – это не просто логический акт подведения частного под общее, но акт оценки уголовно-правовой упречности поведения в объективном смысле, составная часть и первая ступень юридического вменения в целом.

Виновное вменение, которое представляет собой одномоментный акт субъективного вменения при недопустимости объективного вменения, не верифицируемо в своих результатах. Чтобы приобрести качество верифицируемости (проверяемости), вменение должно осуществляться на разных ступенях, отдельных друг от друга, но соотносимых, результаты которых взаимно верифицируют друг друга, не смешиваясь с юридически нейтральным описанием деяния. Суждения, составляющие процесс вменения, последовательно определяют такое сложное положение дел, которое выражает уголовно-правовую личностную упречность (вину лица) за конкретное, подлежащее правовой оценке поведение, как с объективной, так и с субъективной стороны. Для вменения в вину умысла предварительно должен быть вменен объективный коррелят содержания конкретного умысла.

Библиография

Herring J. Criminal law. 6th ed. L., 2009.

Roxin C. Strafrecht. Allgemeiner teil. Band I. 4. Aufl. München, 2006.

Samaha J. Criminal law. 8th ed. Belmont, 2005.

Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 13 апреля 2016 г. Дело № 22-2954/2016 // Архив Свердловского областного суда, 2016 г.

¹ Материалы уголовного дела № 150456909 с обвинительным приговором от 14 апреля 2017 г. // Архив Кушвинского городского суда Свердловской области, 2017 г.

- Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. М., 2005. Т. 2.
Векленко С. В. Виновное вменение в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003.
Гаева Е. В. Гости из прошлого. Словарь русских слов: в 3 т. М., 2016. Т. 2.
Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2004.
Лунеев В. В. Субъективное вменение. М., 2000.
Материалы уголовного дела № 150456909 с обвинительным приговором от 14 апреля 2017 г. // Архив Кушвинского городского суда Свердловской области, 2017 г.
Молчанов В. И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания // Исследования по феноменологии сознания. М., 2007.
Молчанов В. И. Феномен пространства и происхождение времени. М., 2015.
Немецко-русский словарь по психологии. М., 2004.
Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 сентября 2009 г. № 5-009-18 // Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2009 г. СПС «КонсультантПлюс».
Скорина Л. П., Чуракова Л. П. Латинский язык для юристов / под ред. С. В. Семчинского. Минск, 1999.
Ширяев А. Ю. Вменение и факт в доктрине и практике применения уголовного закона // Рос. право: образование, практика, наука. 2016. № 6.
Язовских Ю. А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997.

Bibliography

- Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Sverdlovskogo oblastnogo suda ot 13 aprelya 2016 g. Delo № 22-2954/2016 // Arxiv Sverdlovskogo oblastnogo suda, 2016 g.
Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka / gl. red. K. S. Gorbachevich. M., 2005. T. 2.
Gaeva E. V. Gosti iz proshlogo. Slovar' russkix slov: v 3 t. M., 2016. T. 2.
Herring J. Criminal law. 6th ed. L., 2009.
Kudryavcev V. N. Obshhaya teoriya kvalifikacii prestuplenij. M., 2004.
Luneev V. V. Sub"ektivnoe vmenenie. M., 2000.
Materialy ugovolnogo dela № 150456909 s obvinitel'nym prigovorom ot 14 aprelya 2017 g. // Arxiv Kushvinskogo gorodskogo suda Sverdlovskoj oblasti, 2017 g.
Molchanov V. I. Fenomen prostranstva i proisxozhdenie vremeni. M., 2015.
Molchanov V. I. Razlichenie i opyt: fenomenologiya neagressivnogo soznaniya // Issledovaniya po fenomenologii soznaniya. M., 2007.
Nemecko-russkij slovar' po psixologii. M., 2004.
Opredelenie Sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Verxovnogo Suda RF ot 16 sentyabrya 2009 g. № 5-009-18 // Obzor zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki Verxovnogo Suda RF za II kvartal 2009 g. SPS «Konsul'tantPlyus».
Roxin C. Strafrecht. Allgemeiner teil. Band I. 4 Aufi. München, 2006.
Samaha J. Criminal law. 8th ed. Belmont, 2005.
Shiryayev A. Yu. Vmenenie i fakt v doktrine i praktike primeneniya ugovolnogo zakona // Ros. pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2016. № 6.
Skorina L. P., Churakova L. P. Latinskij yazyk dlya yuristov / pod red. S. V. Semchinskogo. Minsk, 1999.
Veklenko S. V. Vinovnoe vmenenie v ugovolnom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk. Omsk, 2003.
Yazovskix Yu. A. Problemy vmeneniya v rossijskom ugovolnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 1997.